

Великая Отечественная пронеслась по миру, оставив за собой кровавый рубец на нашей земле. Нет ни одной семьи, которой бы так или иначе не коснулись события тех четырёх тяжёлых лет. И моя не стала счастливым исключением. Раньше, в детстве, меня охватывал героический пафос, когда я кому-то рассказывала о военном прошлом своей семьи. Повзрослев, перечитав вдоль и поперёк Ремарка и вполне осознав, что такое голод, страх, насилие - я без слез на глазах не могу рассказывать о подвиге своих предков. И сейчас, перечитывая уже написанное, меня охватывает дрожь, комок подступает к горлу.

Семья моего дедушки, мамино папы, жила в Ленкорани - это был небольшой городок на границе с Ираном, на территории современного Азербайджана. Волны тёплого Каспийского моря перебирали чёрный горячий песок...

Мой прадед, Иван Ефимович Котёлкин, был простым землемером, когда его призвали в армию. Летом 1941 года он уехал в Кировобад на курсы подготовки артиллеристов, оставив дома жену Елену с тремя детьми - моим дедушкой Юрой и его сестрами Викой и Ларисой. В феврале 1942-го Иван Ефимович окончил курсы и ушёл на фронт. В том же году, в боях под Керчью, попал в плен. Два года его, скованного кандалами, в немыслимых условиях перегоняли из одного лагеря в другой. Наши войска освободили узников только в начале 1945 года. Прадеду очень повезло - со многими бывшими военнопленными долго разбирались: почему попал в плен, при каких обстоятельствах, не было ли это предательством Родины? А Ивану Ефимовичу сразу удалось прорваться на фронт. Он воевал на территории Германии и Чехословакии, был награждён медалями "За освобождение Праги" и "За победу в ВОВ 1941-1945 гг".

У нас сохранилось одно-единственное письмо, которое прадед прислал с фронта. Там ни слова о чудовищных лишениях, о крови, о боли, словом, о войне - только тёплые пожелания счастья жене и детям. А его семья и вправду счастливо пережила войну на берегу Каспия - фронт далеко, море даёт рыбу, а плодородная почва - овощи и фрукты. Только сахара и хлеба не доставало - дедушка узнал о том, что такое конфеты, только после войны. К нам недавно приезжала его сестра - бабушка Вика, и они вспоминали, как мама в детстве сыпала им сахар на смоченный водой кусочек хлеба, когда он был. И для детей это было самым желанным лакомством. В 1952 году Иван Ефимович уехал на поиски нового места жительства для семьи и не вернулся. Несколько раз прабабушка подавала во всесоюзный розыск, и все безуспешно. Сначала причислили к пропавшим без вести, затем признали умершим. Скорее всего, это дело рук бандитов, которых множество развелось после войны - последнее, что известно о прадеде, это то, что он сел в поезд и при нем были деньги. А его брат, Емельян Ефимович, так и не вернулся с фронта - погиб.

Мой дедушка, Юрий Иванович, пошел по стопам отца и стал военным, защищал наше мирное небо. Сейчас он генерал войск ПВО в отставке. У него 2 ордена и 13 медалей.

Тяжелее была судьба родственников со стороны бабушки – прабабушки Клавдии Васильевны Соколовой и прадедушки Александра Дмитриевича Шестопалова. Они не успели эвакуироваться из оккупированного в 1942 году Харькова. Александр Дмитриевич сильно заболел и слег, отец прабабушки умер как раз в это время, нужно было организовать похороны. И Клавдии Васильевне пришлось одной кормить больного мужа и двоих пятилетних детей-близнецов – Ларису и Юру. В семье было много дорогих вещей – картин, посуды, украшений, которые достались в наследство – Александр Дмитриевич был родом из Одессы, из богатой купеческой семьи. Не сохранилось ничего. Клавдии Васильевне приходилось ходить, как тогда говорили, «на менку» по деревням: оригинал Шишкина - на крынку молока, бриллиантовые серьги – на хлеб. Клавдия Васильевна очень любила дорогую обувь и завещала женской половине нашей семьи: «Платье может быть любим, но туфли должны быть на высоте!». Под конец оккупации она отдала и последние туфли.

Брат Клавдии Константин был подпольщиком, по заданию организации работал в комендатуре, где выправлял фальшивые документы, для того чтобы спасти еврейские семьи. Однажды жизнь и всей нашей семьи висела на волоске. У Александра Дмитриевича был тонкий аристократической профиль – нос с горбинкой. Фашисты вошли в дом с проверкой – искали евреев. Стали показывать на лежащего в постели больного прадеда, кричать: «Jude! Jude!» (нем. еврей) Прабабушка кинулась к кровати, дрожащими пальцами стала расстегивать ему рубашку, под которой был православный крест. Второй рукой она крестилась сама и повторяла: «Мы православные! Мы православные!» Немцы поверили и ушли. Если бы Клавдия Васильевна тогда не догадалась – неизвестно, осталась бы семья в живых.

Шестопаловы жили в самом центре Харькова. Самую лучшую школу города, которая была напротив дома, заняли фашисты, во дворе школы стояли их машины. Клавдия Васильевна не разрешала детям выходить со двора, но один раз Юра убежал и попал в руки фашистов. К счастью, все обошлось – они просто заставили пятилетнего малыша вымыть машину. После этого Юра слушался маму – страха сильнее, по его воспоминаниям, ни до, ни после он не испытывал. В 1943 году Харьков освободили, но у Клавдии Васильевны на всю жизнь осталась язва желудка: сама она почти ничего не ела – всё детям.

В 1958 году моя бабушка Лариса познакомилась с моим дедушкой Юрой, и родилась моя мама Елена. Потом мама познакомилась с моим отцом, и появилась я. Я получаю образование, пишу эти строки и дышу только благодаря тому, что мои предки не сдались перед лицом смерти – они выжили вопреки всему и победили фашистских захватчиков.